

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-25-33

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ: «ФРИЗОВАЯ ШИНЕЛЬ»

Штукарева Елена Борисовна

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Москва, Россия,

shtukareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3082-9755>

Аннотация. Тема статьи связана с прагматическим подходом в литературоведении к изучению авторского текста и проблемой декодирования авторских смыслов, их воздействия на читателя. В работе представлен анализ употребления прилагательного «фризовый» и выражения «фризовая шинель» как языкового ресурса для социальной характеристики персонажа и как символ его неблагополучия и отверженности в русской литературе XIX–XXI веков. Новизна исследования определяется тем, что особенности контекстуальных значений прилагательного «фризовый» и выражения «фризовая шинель» в русской классической литературе ранее не становились предметом изучения (отдельные упоминания находим в работах, посвященных анализу творчества Н. В. Гоголя), в то время как частотность их употребления в русской классике велика, причем не столько как наименований сорта ткани, сколько в качестве оценочной характеристики персонажа. Акцентуация культурологического компонента в семантической структуре лексемы «фризовый» становится ключом к постижению художественного образа и должна учитываться при комментировании классического текста, восприятие которого современными молодыми людьми часто затруднено, что обуславливает актуальность настоящей работы. Практическое применение полученных результатов возможно в лингвокультурологической лексикографии и при культурно-ориентированном переводе художественных текстов на другие языки. Исследование строится на основе методов лингвокультурологического анализа и лингвистического описания.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, предметно-бытовая лексика, наименования тканей, фриз, фризловая шинель, лингвокультурный код, семиотическое значение.

Для цитирования: Штукарева, Е. Б. (2025). Лингвокультурный код художественной детали: «фризовая шинель». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 25–33. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-25-33>

Original article

UDC 811.161.1'37

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-25-33

**LINGUOCULTURAL CODE OF ARTISTIC DETAIL:
«FRIZE OVERCOAT»****Elena B. Shtukareva**National University of Science and Technology «MISIS»,
Moscow, Russia,shtukareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3082-9755>

Abstract. The topic of the article is related to the pragmatic approach in literary criticism to the study of the author's text and the problem of decoding the author's meanings, their impact on the reader. The research presents an analysis of the use of the adjective «frieze» and the expression «frieze overcoat» as a linguistic resource for the social characteristics of a character and as a symbol of his troubles and rejection in Russian literature of the 19th–21st centuries. The novelty of the study is determined by the fact that the features of the contextual meanings of the adjective «frieze» and the expression «frieze overcoat» in Russian classical literature have not previously become the subject of study (we find separate mentions in works devoted to the analysis of the work of N. V. Gogol), while the frequency their use in Russian classics is great, not so much as names for a type of fabric, but as an evaluative description of a character. The emphasis on the cultural component in the semantic structure of the lexeme «frieze» becomes the key to understanding the artistic image and should be taken into account when commenting on the classical text, the perception of which is often difficult for modern young people. This determines the relevance of this work. Practical application of the results obtained is possible in linguocultural lexicography and in culturally oriented translation of literary texts into other languages. The research is based on methods of linguocultural analysis and linguistic description.

Keywords: N. V. Gogol, subject-household vocabulary, names of fabrics, frieze, frieze overcoat, linguocultural code, semiotic meaning.

For citation: Shtukareva, E. B. (2025). Linguocultural code of artistic detail: «frieze overcoat». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 25–33. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-25-33>

Введение

Для понимания читателем образа персонажа, созданного воображением автора, важна каждая деталь, каждое слово. Предметно-бытовая лексика, используемая мастером при описании портрета героя, может не только быть элементом внешней характеристики, приметой времени и культуры, характеристикой его материального достатка и социального положения, но и наполняться более глубоким метафорическим, символическим

значением: материальная деталь окружающей действительности переосмысливается и получает духовное, ценностное, этическое истолкование.

В отечественной науке основы изучения стиля писателя не только с литературно-стилистической, но и одновременно с социально-лингвистической стороны заложил академик В. В. Виноградов, обратив внимание на развитие у языковой единицы в конкретном тексте и индивидуальном авторском стиле символического значения (Виноградов, 1978).

Современные лингвисты говорят о значимости культурных и лингвокультурных кодов, которые отражены в семиотическом значении языковых единиц: «определяя в целом национальную картину мира и мировоззрение конкретного сообщества, коды культуры формируются с помощью системы ставших носителями культурных смыслов знаков материального и духовного мира» (Кузнецова, 2021, с. 235). Лингвокультурные коды отражают «особенности культуры использующего их народа и создаются парадигмой образов, выполняющих знаковую функцию в процессе общения» (Савицкий, Гашимов, 2005).

Естественно, что предметно-бытовая лексика в художественных текстах несет большую семиотическую нагрузку, что подтверждает ряд исследований (Милова, 2008; Третьякова, 2013; Беловинский, 2017; Машинист, 2020; Толстогузов, 2023). Так, «выбор определенного дома для проживания, определенной одежды и даже определенного блюда или напитка может свидетельствовать о социальном статусе, происхождении, возрасте, образе жизни, материальном благополучии человека» (Бондарчук, Никулина, 2019, с. 83).

Наблюдаем такие семиотические возможности и у наименований тканей: *дерюга, затрапез, крашенина, миткаль, сарпинка, толстина* использовались в быту простого люда, крестьян и небогатых горожан; более изысканные *адряс, бостон, брань, камка, кашемир, левантин, марселин, маркизет, муслин, объярь, шевит* отличают одежду состоятельных персонажей; а драгоценные ткани, в составе которых были золотые и серебряные нити: *аксамит, алтабас, виссон, фофудья* — встречаются в жизнеописании героев, облеченных властью, князей, царствующих особ и священнослужителей. Наличие оценочного компонента в семантике наименований ткани отражено и в целом ряде устойчивых выражений: *бархатная революция, бархатный сезон, затрапезный вид, кисейная барышня, сермяжная правда, сермяжная душа, ситцевая Русь, суконный язык, посконная правда, в долгах как в шелках, с суконным рылом да в калачный (калашный) ряд, с посконным рылом да в суконный ряд*. Отражение социальной составляющей в семиотике данной группы лексики позволяет авторам использовать наименования тканей в характеризующей функции социального знака. Так, многократное упоминание Ф. М. Достоевским *драдедамового платка*, изготовленного из дешевого сукна низкого качества, делает его художественным символом, трагическим знаком несправедливости (Кирсанова, 1995). Прилагательное *чесучовый* как наименование изделий из чесучи, ткани для пошива казенной одежды, в литературе XX века часто фигурирует

в качестве портретного элемента при описании представителей чрезвычайных комиссий (ЧК) и Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР, приобретающая ироническую окраску (Штукарева, 2023).

Результаты и обсуждение

Начиная с XIX века особое место в русской литературе занимает прилагательное *фризовый*. Его словарные толкования ограничиваются собственно денотативным значением — ‘изготовленный из фриза’ от *фриз* ‘толстая ворсистая ткань типа байки’ (Словарь В. И. Даля, Словарь Д. Н. Ушакова, ССРЯ, БТС), пришедшего в русский язык из немецкого Fries или французского frîes, впервые в лексикографической практике зафиксированного «Новым словотолкователем, расположенным по алфавиту, содержащим: разныя в российском языке встречающияся иностранныя речения и техническия термины...» Н. И. Яновского в 1806 г. (Штукарева, 2001, с. 110). Количество упоминаний одежды из этой ткани в русской классике заметно и неслучайно велико, не единожды встречается оно в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, И. И. Лажечникова, А. И. Герцена, В. Ф. Одоевского, М. Н. Загоскина, И. С. Тургенева, А. А. Фета, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Короленко, Ю. Н. Тынянова, В. А. Соллогуба, Д. С. Мережковского и других авторов. Контекстуальный анализ употребления данной лексемы позволяет наблюдать развитие у нее, помимо утилитарного значения, оценочного и духовно-идейного семантического компонента, причина чего видится в функционировании денотата (из фриза шили преимущественно форменную одежду для служащих, студентов, гимназистов, воспитанников учебных учреждений) и стоимости (ткань представляла собой один из самых дешевых видов сукна). Подтверждение тому находим в архивных этнографических источниках и правовых документах.

Обратившись к истории форменной одежды в России, узнаем, что тип и цвет ее ткани строго регламентировались правительственными постановлениями начиная с Петровской эпохи (Курочкина, 2011). Вспоминая годы своей учебы в Московском университете, историк и археолог Н. Н. Мурзакевич отмечает в 1825 году, что в партикулярное платье студентов входили «модные изящные сюртуки или полуфраки, фризковые шинели, панталоны, казацкие шаровары, круглые шляпы» (Новиков, Перфилова, 2012, с. 19). Как свидетельствует ревизия Олонецкой семинарии 1833 года, фриз считался чрезвычайно недорогой тканью: здесь упоминаются фризковые шинели, которые по нужде семинарским правлением устроили ученикам на зиму и не могли «предохранить их от простуды в суровом климате Петрозаводска» (Калинина, 2019, с. 153).

В публицистической и художественной литературе XIX века мы видим множество персонажей, облаченных в одежду из фриза по долгу службы и роду занятий, т. е. ткань выступает здесь в качестве социальной маркировки героя: Публика — от учащейся молодежи до старых чиновников во **фризовых шинелях**

и от расфранченных дам до бедно одетых рабочих женщин (Вл. А. Гиляровский «Москва и москвичи», 1926–1934); Павел явился в класс приодетый: в желтом **фризовом** стюртуке и в белом галстуке на шее (М. Е. Салтыков-Щедрин «Пошехонская старина», 1887–1889); ...иногда раздавался шум и хохот в подземной полливной лавочке, когда оттуда выталкивали пьяного молодца в зеленой **фризовой шинели** и клеенчатой фуражке (М. Ю. Лермонтов «Штосс», 1841)¹ (здесь и далее выделено нами. — Е. Ш.).

Однако на страницах более поздних произведений перед читателями предстает целая вереница жалких, обездоленных, несчастных, отверженных обществом литературных героев, также облаченных в одежду из фриза. В их числе «горький пьяница», «несносное животное», потерявший свое имя и известный под прозвищем Обалдуй в рассказе И. С. Тургенева «Певцы»: *мужчина высокого роста, без шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубым кушачком* (1850). Таков образ (примечательно, что он тоже лишен имени) изгнанного обитателя разрушенного замка-прибежища бедняков, выжившего из ума «профессора» в повести В. Г. Короленко «В Дурном обществе»: *Это было тихое, угнетенное идиотизмом существо в старой фризовой шинели, в шапке с огромным козырьком и почерневшей кокардой* (1885). Образ жалкого подобострастного заседателя суда Шабашкина, маленького человека в кожаном картузе и фризовой шинели, также не вызывает приязни у читателя (А. С. Пушкин «Дубровский», 1833).

Заметно чаще других классиков к фризовой шинели в качестве яркой характеризующей художественной детали обращается Н. В. Гоголь, что дает основание Н. Г. Чернышевскому видеть в ней гоголевское восприятие шинели из фриза как «необходимой принадлежности города» (Чернышевский, 1947), таким образом критик отмечает появление у данного выражения еще одного дополнительного семиотического смысла — идентификации места проживания персонажа.

Иронично упоминание фризовой шинели на грозном учителе латинского языка в сочетании с «изукрашенным оспой» лицом и наводящим ужас кашлем («Иван Федорович Шпонько и его тетушка», 1832). Мелькает эта деталь гардероба в описании прохожего на многолюдном Невском проспекте: <...> *какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого понытчика, пущенная по миру во фризовой шинели*... («Невский проспект», 1834). Встречается наименование этого предмета гардероба при воссоздании толчеи в картинной лавке Щукиного двора, где художник Чартков приобрел старинный портрет, изменивший его жизнь: <...> *старые лакеи во фризовых шинелях смотрят потому только, чтобы где-нибудь позевать*... В такую же шинель одет и сам хозяин лавки: *серенький человечек во фризовой шинели, с бородой, небритой с самого воскресенья* («Портрет», 1834). Читатель встречается с этой деталью в метонимическом значении в описании ночного провинциального города в поэме «Мертвые души»: <...> *и в совершенно заснувшем городе, может*

¹ Здесь и далее примеры цитируются из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>). — Е. Ш.

быть, плелась где-нибудь **фризовая шинель**, горемыка неизвестно какого класса и чина, знающая одну только (уввы!) слишком протертую русским забубенным народом дорогу... (1835). Квартальный будочник застаёт мистического мертвеца-чиновника «на покушении сдернуть **фризовую шинель** с какого-то отставного музыканта» («Шинель», 1841). Во всех приведенных цитатах упоминание фризовой шинели соседствует с другими лексическими средствами, характеризующими персонаж с унижительной стороны: *жалкая добыча, пущенная по миру, старые лакеи смотрят, чтобы позевать, серенький человек, горемыка, плелась, забубенный народ, отставной музыкант*. Таким образом, в произведениях Н. В. Гоголя происходит переосмысление собственно материального значения выражения «фризовая шинель», наполнение его новым социально-моральным толкованием, за счет акцентуации в семантике таких компонентов, как принадлежность к классу служащих, несчастливое бедственное проживание в городской среде, неуспех и униженное положение в обществе.

Именно присутствие таких социальных и оценочных семиотических компонентов в семантической структуре слова «фризовый» позволяет писателю выстроить антитезу сюжетно-символической роли одежды в комедии «Ревизор». П. Н. Толстогузов, исследуя костюмную семиотику пьесы, отмечает противопоставление безымянной «фризовой шинели» из ремарки о просителях, собравшихся на улице и пытающихся попасть к «ревизору», и «золотых ливрей, голубых кавалерий, золотых платьев» (Толстогузов, 2023).

Сходный механизм построения антитезы в следующем контексте тоже стал возможным благодаря наличию дополнительного культурного значения 'бедный', 'занимающий невысокое социальное положение' у интересующего нас словосочетания: *Пошел служить писцом во **фризовой шинели**, а теперь с тысячью душ, и капиталец есть* (М. В. Авдеев «Тамарин», 1851).

Игнорирование культурного смысла лексемы может привести к ее неверным трактовкам при историко-литературном комментировании художественного текста и неверной его интерпретации. Так, в комментариях к повести «Портрет», размещенной в хрестоматии по литературе для средней школы, прилагательное *фризовый* объясняется как 'голландский'², что отражает происхождение слова от *фриз* — географического наименования местности Фризия, располагавшейся на побережье Северного моря³. Данный комментарий не отражает культурно значимой информации, важной для понимания текста, и поэтому представление фризовой шинели как голландской может вызвать у читателя противоположную действительности ассоциацию с заморской, а значит, престижной и дорогой.

² Литература. Хрестоматия для 7-го кл.: [Для шк. с углубл. изуч. лит., гимназий и лицеев] / авт.-сост. М. Б. Ладугин и др. М.: Просвещение, 1993. С. 160.

³ Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 4. С. 207.

Оценочный культурный код становится основанием для создания иносказательного признания А. С. Пушкина народным, любимым простым человеком, поэтом: *К нему на похороны шли лишь люди в фризовой шинели* (Н. П. Огарев «Юмор», 1840–1841).

Без осознания дополнительной социальной и культурной информации, заложенной в семантике выражения «фризовая шинель», читатель не сможет разгадать аллегории и в строках Д. Хармса о рождении творчества из бедности и изгнания, в которых можно увидеть аллюзию на гоголевскую «Шинель»: *Взяли фризovou шинель // пристрочили кант // положили на панель // вот и вышел музыкант.*

Аллегорико-символическая функция проявляется у прилагательного «фризовый» и в стихотворении нашей современницы Оксаны Сыченко при создании образа несчастной любви, разочарования, крушения надежд: *Любовь, я так ее ждала, В ответ, та фризovy одежды // В черной коробке поднесла, // Убив последние надежды.*

Заключение

Из проведенного контекстуального анализа обращений писателей и публицистов к фризовой шинели следует, что в русской литературе собственно денотативное значение ‘сшитый из фриза’ дополняется и другими характеристиками, прежде всего социальной маркировкой принадлежности к служащим или обучающимся, а также характеризующим значением ‘дешевый, простой’. Благодаря перу многих авторов выражение *фризовая шинель* приобретает дополнительную культурологическую семантику и преобразуется в своеобразный культурный код — знак принадлежности к небогатому городскому обществу. Более того, при создании обезличенных персонажей, «фигур», «существъ», «сереньких человечек», «горемык» выражение *фризовая шинель* становится символом незначительности, униженности и отверженности. А в поэтическом тексте эти компоненты в семантике слова «фризовый» помогают создать развернутую метафору и аллегорические образы.

Таким образом, происходит развитие, расширение семантики словосочетания за счет акцентуации культурологической информации: от предмета материального быта определенной исторической эпохи к знаку принадлежности к определенному социальному классу, к более обобщенному значению бедности и обездоленности и, наконец, к еще более высокой степени абстрактности — трагической символике несчастья.

Проанализированные примеры еще раз доказывают, что художественная деталь не только характеризует портрет персонажа, но и может свидетельствовать о многом другом, скрытом, однако являющемся важной составной частью содержания текста, для полного понимания которого от читателя требуются, помимо знания о реалии, еще и представления о ее лингвокультурологическом месте в языковой картине мире конкретной исторической эпохи.

Список источников

1. Виноградов, В. В. (1978). *История русского литературного языка*. Наука.
2. Кузнецова, А. В. (2021). Прагматика культурных кодов в художественном тексте. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 3, 233–242.
3. Савицкий, В. М., & Гашимов, Э. А. (2005). *Лингвокультурный код*. Лонгман, МГПУ.
4. Милова, Н. В. (2008). Языковые единицы семантического поля «костюм» в коммуникативном пространстве романа А. Н. Толстого «Петр I». *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 3, 13–22.
5. Третьякова, Л. Н. (2013). Военный концепт «шинель» в языковой картине мира русского человека. *Мир русского слова*, 1, 56–59.
6. Беловинский, Л. В. (2017). История повседневности в деталях: проблемы комментирования текстов русской литературы. *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 10-2(31), 217–228.
7. Машинист, А. В. (2020). Бытовая лексика: семантические и функциональные особенности (на материале прозы Юрия Вэллы). *StudNet. Т. 3, 9*, 1330–1335.
8. Толстогузов, П. Н. (2023). «Ревизор» Н. В. Гоголя как театр одежды. *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*, 1(50), 109–118.
9. Бондарчук, Г. Г., & Никулина, Н. В. (2019). Семиотическая роль английской предметно-бытовой лексики в тексте семиотическая роль английской предметно-бытовой лексики в тексте. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки*, 1(817), 80–87.
10. Штукарева, Е. Б. (2001). Наименования тканей в произведениях художественной литературы. *Человек. Язык. Искусство* (с. 271–272). *Материалы международной научно-практической конференции*. МПГУ.
11. Кирсанова, Р. М. (1995). Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.: Опыт энциклопедии. *Большая российская энциклопедия*.
12. Штукарева, Е. Б. (2023). «Драдедамовый платок», «посконный сарафан», «чесучовый китель»: предметно-бытовая лексика как ключ к пониманию художественного образа. *Notinut*, 1(9), 138–150.
13. Штукарева, Е. Б. (2001). *Тематическая группа наименований тканей в современном русском языке* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва].
14. Курочкина, Е. Н. (2011). Видоизменение форменной одежды России начала XIX века. *Вестник Иркутского государственного технического университета*, 1(48), 294–296.
15. Новиков, М. В., & Перфилова, Т. Б. (2012). Университетский устав 1835 г. *Ярославский педагогический вестник. Серия: Гуманитарные науки*, Т. 1, 3, 1–20.
16. Калинина, Е. А. (2019). Правовое и социальное положение воспитанников духовно-учебных заведений в дореформенное время (на примере Олонецкой епархии). *Труды Кольского научного центра РАН*, Т. 10, 7–17, 143–156.
17. Чернышевский, Н. Г. (1947). Очерки гоголевского периода русской литературы. http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0210.shtml

References

1. Vinogradov, V. V. (1978). *History of the Russian literary language*. Nauka. (In Russ.).
2. Kuznecova, A. V. (2021). Pragmatics of cultural codes in a literary text. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 233–242. (In Russ.).

3. Savickiy, V. M., & Gashimov, E. A. (2005). *Linguistic code*. Longman, MCU. (In Russ.).
4. Milova, N. V. (2008). Linguistic units of the semantic field «suit» in the communicative space of A. N. Tolstoy's novel «Peter I». *Russian Journal of Linguistics*, 3, 13–22. (In Russ.).
5. Tret'yakova, L. N. (2013). The military concept «overcoat» in the linguistic picture of the world of the Russian people. *World of the Russian Word*, 1, 56–59. (In Russ.).
6. Belovinskiy, L. V. (2017). The history of everyday life in detail: problems of commenting on texts of Russian literature. *RGGU bulletin. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies*, 10-2(31), 217–228. (In Russ.).
7. Mashinist, A. V. (2020). Everyday vocabulary: semantic and functional peculiarities (based on Yuri Vella's prose). *StudNet*, T. 3, 9, 1330–1335. (In Russ.).
8. Tolstoguzov, P. N. (2023). «N. V. Gogol's "Inspector General" as a theater of clothing. *Sholom-Aleichem Priamursky state university bulletin*, 1(50), 109–118. (In Russ.).
9. Bondarchuk, G. G., & Nikulina, N. V. (2019). Semiotic role of English everyday vocabulary in the text. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(817), 80–87. (In Russ.).
10. Shtukareva, E. B. (2001). Names of fabrics in works of fiction. *Human. Language. Art* (pp. 271–272). *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. MPGU. (In Russ.).
11. Kirsanova, R. M. (1995). Costume in Russian artistic culture of the 18th – the first half of the 20th centuries: Experience encyclopedia. *Bolshaya rossijskaya enciklopediya*. (In Russ.).
12. Shtukareva, E. B. (2023). «Dradedam shal», «poskonny sarafan», «chesuchovy kitel»: everyday vocabulary as a key to understanding the artistic image. *Hominum*, 1(9), 138–150. (In Russ.).
13. Shtukareva, E. B. (2001). *Thematic group of names of fabrics in modern Russian* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
14. Kurochkina, E. N. (2011). Modification of the uniform of Russia at the beginning of the 19th century. *Vestnik of Irkutsk state technical university*, 1(48), 294–296. (In Russ.).
15. Novikov, M. V., & Perfilova, T. B. (2012). University charter 1835. *Yaroslavl pedagogical bulletin. The humanities*, T. 1, 3, 1–20. (In Russ.).
16. Kalinina, E. A. (2019). Legal and social status of pupils of theological and educational institutions in the pre-reform period (on the example of the Olonets diocese). *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN*, T. 10, 7-17, 143–156. (In Russ.).
17. Chernyshevskij, N. G. (1947). *Essays on the Gogol period of Russian literature*. http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0210.shtml (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Борисовна Штукарева — кандидат филологических наук, доцент, доцент Центра русского языка Национального исследовательского технологического университета «МИСИС».

Information about the author

Elena B. Shtukareva — PhD (Philology), Associate Professor at Russian Language Center of National Research Technological University «MISIS».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.